

Г. ФЕДOTOBЪ
О ВИРГИЛИИ

къ двухтысячелѣтїю со дня его рожденїя

Столѣтіе французскаго романтизма, совпавшее съ 2.000-лѣтіемъ *Виргилїя*, позволяетъ не то что увидѣть, но ощупать сравнительный вѣсъ такихъ явленїй, какъ классицизмъ и романтизмъ. Романтизмъ уже сейчасъ споренъ, старомоденъ, наивенъ, хотя и не изжитъ до конца. Будеть ли кто-нибудь праздновать тысячелѣтіе Гюго? Романтизмъ — эпизодъ, вкусъ, — можетъ-быть, болѣзнь юности. Классицизмъ — уже не школа, не традиція, но кровь. Это конститутивный признакъ культуры. Западная культура — культура, взошедшая на закваскѣ *Виргилїя*. Точнѣе было-бы сказать: на Библии и *Виргилїи*. Но сегодня рѣчь о *Виргилїи*.

Отрокъ *Августинъ* на заданную въ школѣ тему декламировалъ монологъ покинутой *Дидоны*, и страданїя *Дидоны* волновали его до слезъ. Зрѣлый Данте, суровый эмигрантъ и мистическій влюбленный, избираетъ *Виргилїя* путеводителемъ по аду, учителемъ этики, предтечей *Благодати*: «*Tu duce, tu maestro*». Практическій политикъ *Питтъ*, оправдывая въ Палатѣ Общинъ свое безсиліе спасти жизнь и тронъ *Людвика XVI*, не могъ найти болѣе краснорѣчиваго, болѣе понятнаго для всѣхъ языка, какъ сѣтованїе *Дидоны* о царствѣ *Прїама*:

«*Me si fata meis*» (IV. 340).

Не бѣда, если *Питтъ* собьется въ своей цитатѣ, весь залъ докончитъ за него.

Въ средніе вѣка, когда *Виргилїя* знали наизусть, было въ обычаѣ слагать цѣлыя поэмы (центоны) изъ стиховъ и полустижій *Энеиды*. Тысячи англійскихъ юношей въ Оксфордѣ и Кембриджѣ могли бы заниматься этими упражненїями въ наши дни. Мы, русскіе, какъ-то недостаточно внимательны къ этому, самому постоянному факту западной культуры, и всегда удивляемся, когда читаемъ, что *Спенсеръ*, напримѣръ, писалъ латинскіе стихи. Что общаго между *Спенсеромъ* и стихами? Но *Виргилій* — это именно общій языкъ Запада, — то что соединяетъ бл. *Августина*, Данте, *Питта* и *Спенсера*. Библия забывается, *Виргилій* остается.

Оттого такъ мѣрна — кадансъ гекзаметра — такъ доблестна — битвы *Энея* — исторїя Запада.

Но намъ-то что до Гекубы? Мы, скиѣы, званы ли сегодня на праздникъ? Кажется, Виргилій всегда былъ чуждъ русской душѣ. Изъ милліоновъ русскихъ мальчиковъ, которые прошли чрезъ Виргилія, многіе ли сумѣли полюбить его? Брюсовъ, можетъ быть, единственный въ Россіи поэтъ, плѣненный Виргиліемъ, сумѣвший конгеніально переводить его. Слабая Энеида Фета свидѣтельствуесть о чуждости Виргиліеву духу и того воспитаннаго на античности поэта. Однако, не будемъ торопиться съ выводами. Несомнѣнное психологическое несродство, далекость не исключаетъ любви. Духъ ищетъ чуждаго для собственнаго преодоленія. Все живое нуждается въ преодоленіи. Если русская культура была не узко-національной, а вселенской, если она развивалась въ противорѣчіяхъ необычайнаго размаха, то въ ней должно найтись мѣсто и Виргилію.

И оно въ ней, дѣйствительно, нашлось.

Тѣнь Виргилія — можетъ быть, незримо — стояла надъ Русской Имперіей. Въ классическую эпоху ея мощи латинскій геній проявляется уже зримо. Въ холодныхъ и пышныхъ залахъ Эрмитажа, въ помпейскихъ фрескахъ на стѣнахъ Николаевскихъ дворцовъ, въ мѣрной тяжести Исторіи Государства Россійскаго — звучитъ Виргиліева мѣдь.

«*Tu regere imperio populos, Romane, memento*».

Классичень былъ самый замыселъ Имперіи. Дѣло Петра — Николая I, повторяетъ дѣло Августа: соединить сонмъ народовъ подъ водительствомъ народа — вѣнценосца, просвѣщеннаго чужой культурой — «*exsudent alii*», — но вѣрнаго своимъ религіознымъ святынямъ: пенатамъ мистической Трои. Удивительно ли, что зенитъ Имперіи совпадаетъ съ вѣкомъ классицизма въ Россіи: Батюшкова, Дельвига, Пушкина? Стихъ Пушкина понятенъ только на фонѣ латинскаго стиха. Парни, Вольтеръ и Байронъ его не объясняютъ. Какъ Овидій звучитъ въ строфахъ Евгенія Онѣгина, такъ Виргилій въ Пушкинскихъ одахъ, въ томъ высокомъ ладѣ его, который былъ подхваченъ Брюсовымъ. Самъ Пушкинъ, конечно, болѣе обязанъ Овидію и Катулле, нежели Виргилію. Весь юный кругъ Александровскаго классицизма былъ въ плѣну у Августовской эротики и сквозь нее томился тоской по Греціи, — тоской, которую насытилъ до конца лишь въ наши дни Вячеславъ Ивановъ. Но голосъ Виргилія начиналъ звучать всякій разъ, когда сентиментальный или романтичскій поэтъ подходилъ къ темѣ Имперіи.

Странно сказать, но еще ранѣе русской музы пошла въ школу Вир-

гилия русская церковь. Въ долгій вѣкъ Кіевскаго «засилья», латинская школа — отъ Виргилія до Омы — воспитывала русское духовенство. Лишь въ 1820-е годы русскій языкъ замѣнилъ въ семинаріи латынь. Сейчасъ русская церковь вспоминаетъ объ этихъ дняхъ, какъ о латинскомъ плѣненіи. Но мыслимъ ли безъ Виргилія чеканный громъ Филаретова слова? Еще до середины прошлаго вѣка каждая страница русской духовной литературы свидѣтельствуетъ о благородствѣ этой латинской школы. Съ середины вѣка вырожденіе языка идетъ неудержимо. Гибель латинской духовной школы почти совпадаетъ съ угасаніемъ дворянскаго галлицизма, тоже взошедшаго на старыхъ латинскихъ дрожжахъ. Въ итогъ — то одичаніе, та варваризація русской рѣчи, которую засталъ символизмъ въ началѣ XX вѣка.

Согласимся, что для православія школа Виргилія была, дѣйстви-тельно, одѣяніемъ страннымъ и неумѣстнымъ, — не то, что для Русской Имперіи, которой она почти адекватна. Иное дѣло — католицизмъ. «Благочестивый Эней», живущій откровеніями боговъ, и торжествующая воля человѣка, въ трудахъ, борьбѣ и подвигѣ власти, — исчерпываютъ смыслъ римской идеи.

Съ гибелью Русской Имперіи сохранился ли для насъ какой-либо смыслъ Виргилія?

Попробуйте перечитать его, и вы увидите, насколько ближе, благодатнѣе для насъ стала его, казавшаяся холодной муза. Сейчасъ, въ избыточной тоскѣ о потерянной отчизнѣ, мы впервые слышимъ тоску Энея. Мы понимаемъ, что Энеида, какъ всякій великій эпосъ, — пѣснь о гибели, вмѣстѣ съ обѣтованіемъ спасенія. «Потерянная и возвращенная родина». Можно ли теперь безъ глубокаго волненія читать вторую пѣснь — о пожарѣ Трои, о послѣдней, безнадежной борьбѣ Энея? *Vidi Hecubam centumque nurus Priamumque per aras. Sanguine foedantem quos ipse sacraverat ignes.*

Да, мы видѣли Пріама, убитаго на крови собственнаго сына. Да, мы бѣжали съ пожарища со старцемъ Анхизомъ и святынями Пергама. Это мы дрались съ гарпіями за скудные остатки пищи. Это мы съѣли наши «столы». Мы миновали счастливо циклоповъ и Сциллу, но сколькихъ старцевъ мы схоронили, сколькихъ товарищей не досчитались, унесенныхъ волнами. *Palinurus in nudis!*

Quae regio in terris nostri non plena laboris? Это мы у ногъ

Дидоны повторяемъ легендарную уже повѣсть о гибели Трои, и ни на какія чары чужеземной красоты не промѣняемъ образъ воскресшей родины.

Наша скорбь острѣе, потому что мы не можемъ, подобно Энею, оторваться отъ родной земли. Не можемъ на однихъ «пенатахъ» строить Пергамъ. Наша Гесперія на Востокѣ. Мы обречены, какъ тѣни, возвращаться къ дымящимся развалинамъ, и ужасы послѣдней ночи не изглаживаются изъ памяти. Но если бы мы отважились хоть разъ, въ нашихъ странствованіяхъ съ Вергиліемъ, перешагнуть черезъ почти непреходимый порогъ VII пѣсни, мы, можетъ-быть, нашли бы источникъ мужества въ трудахъ и борьбѣ героя, поднимающагося надъ страданіемъ. Образы будущаго уже вытѣсняють прошлое: чаемый Римъ — дымящуюся Трою.

Тысячелѣтнее вино Вергилія подобно колдовству Ауербахова погреба: каждый пьетъ въ немъ напитокъ себѣ по вкусу, — но не рискуетъ обжечься. Таковъ по природѣ классицизмъ: Вергилій, Пушкинъ, или бѣлый солнечный лучъ.

У насъ рѣдко кто читаетъ Буколики, Георгикъ — почти никто. Это понятно: Энеида не замѣнима Гомеромъ, но мы предпочитаемъ Гезіода и Теоокрита ихъ латинскому ученику. Однако, кто не читалъ Буколикъ, тотъ не можетъ представить себѣ, сколько нѣжности и лиризма таила юношеская муза Вергилія, прежде чѣмъ заковать себя въ броню долга и труда. Любовныя жалобы пастуховъ помогаютъ намъ лучше слышать приглушенные стоны Энея и Дидоны. Они даютъ ключъ къ загадочной судьбѣ Вергилія.

Загадочность ея — не во внѣшней ткани событій — его жизнь необычайно бѣдна событіями, — а въ трудности усмотрѣть личные родники этой объективной, національной поэзіи. Вергилій неотдѣлимъ отъ Рима, и поэтический трудъ его — отъ политическаго дѣла Августа. Слишкомъ легко отмахнуться отъ этой загадки моднымъ словомъ: «соціальный заказъ». По заказу Полліона поэтъ воспѣваетъ аркадскую любовь, по заказу Мecenата — италійское земледѣліе; по заказу Августа — благочестіе и подвигъ Энея. Земледѣліе, благочестіе и подвиги легионовъ были рано необходимы для воздвигаемаго зданія Имперіи. Но неужели Вергилій только искусный работникъ, только римскій Брюсовъ, какъ вола погоняющій мечту?

Есть болѣзненная двойственность въ самой его личной судьбѣ, которая, можетъ-быть, объясняетъ судьбу его музы.

Крестьянский сын из окрестностей Мантуи, неуклюжий, робкий провинциаль, он навсегда сохранил любовь к землѣ, и Меценатъ не ошибся, поручая ему воспѣвать труды и дни земледѣльца. Съ итальянской землей, съ италійскими богами навѣки связано величіе Рима. На крестьянскомъ патриотизмѣ Августъ — реставраторъ строитъ духовный идеалъ своей Имперіи.

Но странно: этотъ плебей не выноситъ воздуха сѣверной Италиі. Слабый здоровьемъ, онъ стремится на югъ — «*Calabri garuere*» — въ Кампанію, Сицилію, священную землю Великой Греціи. Едва ли одно насиліе Августовскихъ ветерановъ согнало его съ береговъ Минчіо. Его тянула на югъ тоска по Греціи Θεокрита, по блаженной, небывалой странѣ любви и пѣсень. Томленіе по Греціи было романтической раной въ груди у ломбардскаго мужика. Ей онъ приноситъ послѣднюю жертву — своей жизнью, когда, больной, ѣдетъ въ завѣтную страну, чтобы сгорѣть подъ палящимъ солнцемъ Мегары. — Ей и Троѣ, ибо путешествіе на Троянскіе берега было его послѣдней цѣлью. Но что для него руины Трои, какъ не романтической призракъ Востока, встающій — и для него, и для насъ — за тѣнью Эллады? Такъ романтикъ Virgilій открывается въ побѣдоносномъ классикѣ.

И однако, его вѣчная жизнь связана именно съ этой побѣдой классика. Virgilій принесъ свои мечты на алтарь національныхъ боговъ. Онъ убилъ въ себѣ жалость къ грекамъ — врагамъ Энея. Онъ прощаетъ Августу захватъ отцовской земли, какъ прощаетъ ему Италия похищеніе свободы. вмѣстѣ со своимъ народомъ, онъ видитъ въ Цезарѣ и Августѣ боговъ, даровавшихъ, послѣ столькихъ бѣдствій гражданской войны, миръ и славу. Геній Рима оживаетъ въ его душѣ, и онъ посвящаетъ свою жизнь, безъ остатка, служенію римской идеѣ. То, что не удалось его взысканнымъ музами современникамъ, Овидію, Горацию: преодоленіе эпикурейства, безпечной эротики, безответственнаго скептицизма, то совершилъ въ себѣ крестьянский поэтъ, по иному, чѣмъ Гораций, связанный съ родной землей. Вотъ почему онъ могъ стать воспитателемъ не только послѣднихъ сыновей Рима, но и новаго Израиля, подѣлившаго Римскую землю.

Не хочется быть назойливымъ, но какъ не сказать, что судьба Virgilія полна вѣщаго значенія для судебъ русской культуры и именно ея сегодняшняго дня?

Но несомнѣнно: если бы за щитомъ и латами классицизма не би-

лось мистическое сердце, чуткое къ голосамъ и предчувствіямъ, развѣ могъ бы Виргилій стать Сивиллой, пророчествующей о Христвѣ? Смущающая тайна четвертой эклоги, въ буколическомъ ея окруженіи, можетъ быть разгадана лишь въ непреодолимомъ романтическомъ томленіи, открытомъ для вѣщихъ сновъ.

Jam redit et Virgo, redeunt Saturnia regna.

Политическіе идеалы, ожиданіе Августовской *Pax Romana* причудливо сочетаются съ эсхатологической мечтой о Золотомъ Вѣкѣ, пририяющемъ природу и человѣка, уничтожающемъ слѣды стараго грѣха, *sceleris vestigia nostri*. Не произвольно и не искусственно патристическіе и средневѣковые теологи связали пророчество Виргилія съ Виѳлеемскимъ Младенцемъ. Виргилій выразилъ всю тоску древняго міра объ Искупителѣ, всѣ смутныя ожиданія, сгустившіяся въ вѣкѣ Августа въ напряженный мистическій зовъ. Уставно-обрядовое благочестіе Энея, въ концѣ концовъ, лишь рабочая трансформация бѣлаго угля четвертой эклоги.

Воскреснетъ ли когда-нибудь Виргилій для Россіи? Боюсь, что нѣтъ. Нашъ путь иной — широкій, столбовой путь исторіи, съ котораго мы такъ непокорно свернули — еще въ Московскія времена. Нашъ путь ведетъ не черезъ Трою — Римъ, но черезъ Грецію, которая дала намъ слово, дала молитву и — въ самый послѣдній часъ нашей исторіи — открыла таинственную глубину своей вѣщей и вѣчно возрождающейся красоты.

Пусть поэтъ, который воскресилъ для насъ мистическую Грецію, самъ измѣнилъ ей нынѣ для Рима. Онъ только показалъ намъ, что отреченіе отъ Греціи есть отреченіе отъ Россіи. Виргилій не замѣнитъ намъ Гомера, сладостныя строфы котораго, въ русскомъ гекзаметрѣ, съ дѣтства баюкаютъ нашъ слухъ.

Но въ часъ суроваго подвига, когда отъ насъ потребуется отреченіе отъ кровнаго и роднаго, отъ самой красоты, мы можемъ почерпнуть вдохновеніе въ трудахъ героя, по всѣмъ морямъ и землямъ скитающагося въ поискахъ погибшей родины.

O patria, o divum domus Ilium et incluta bello Moenia Dardanidum!